

УДК 811.512.145

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ЛЕКСЕМЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ЧЕЛОВЕКА, В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

© А.Р.Рахимова

Статья посвящена изучению образования лексем, употребляющихся в татарском языке в характеристике человека в образном, метафорическом переосмыслении. Анализ исторического и семантического развития лексем ведется в сравнении с другими тюркскими и некоторыми нетюркскими языками. Для характеристики людей в татарском языке широко используются названия животных, мифологических персонажей, наименования занятий человека, предметов обихода, явлений природы и т.д., подвергнутые процессу метафоризации. Основу этой лексики составляют прочно вошедшие в язык общетюркские (древнетюркские) лексемы. Значительную часть занимают заимствованные слова, употребление которых, судя по их религиозному содержанию, также имеет многовековую историю.

Ключевые слова: татарский язык, тюркские языки, характеристика человека, метафоризация, диалектные лексемы.

Изучение лексических единиц конкретного языка путем объединения их в тематические группы имеет большое значение, вытекающее из понимания лексики как системы. Слова, используемые в татарском языке для характеристики человека, еще не подвергались специальному исследованию. Комплексный подход к изучению тематической лексики, которого мы придерживаемся, предполагает изучение и словообразовательного значения лексем. Объектом настоящего исследования являются лексемы, образованные семантическим путем и имеющие вторичную номинацию. В.Н.Телия отмечает, что вторичная номинация может иметь как языковой, так и речевой характер [1: 129]. Нами были проанализированы языковые, в большинстве случаев зафиксированные в словарях, значения и формы, так как речевые формы в основном являются ситуативными и поэтому менее устойчивы. Цель исследования – выявить специфику функционирования, определить источники формирования и пути семантического развития лексики татарского языка, формировавшейся путем метафоризации и использовавшейся для характеристики человека. Вторичное использование слова в роли номинации мотивировано его предшествующим значением. Поскольку между семантическими производными и их первичными элементами сохраняется непосредственная постоянная связь, распознавание производности вторичных наименований от ранее известных номинативных единиц не представляет сложности. Необходимость этимологического анализа для определения вторичности использования лексемы в роли номинации появляется редко, лишь у некоторых устаревших, диалектных или заимствованных слов. Например, татарский этимолог Р.Г.Ахметьянов считает, что лексема *томана* ‘бестолковый, глупый, невежественный’ проис-

ходит от чув., мар. *тамана/тымана* ‘сова’ [2: 204]; слово *карун* ‘скряга; скупой, жадный’ связано с именем *Каруна*, баснословно богатого и заносчивого человека, жившего во времена Пророка Мусы. После того как Карун высокомерно обошелся с Мусой и отверг все его доводы о необходимости закята, он сам и все его богатства были поглощены землей [3: 503].

Первичные лексические значения появляются в результате познавательной деятельности человеческого сознания. Под воздействием оценочной деятельности сознания первичные значения могут переходить на оценочные отношения к действительности, связанные с процессом метафоризации. Метафорические лексемы появляются на базе образных сравнений, основания сравнений при этом указывают на постоянное свойство субъекта метафоры. Так, например, такое свойство человека, как «невинный, искренний, чистый», может быть выражено прилагательными *саф*, *эчкерсез* и существительным *фәрештә*, первичное значение которого «ангел». В процессе возникновения нового значения лексемы *фәрештә/ ак фәрештә* ‘добрый (белый) ангел’ выделен мотивирующий признак – воплощение красоты, чистоты, невинности. Точно так же свойство человека «здоровый, сильный» выражается как прилагательными *көчле*, *гайрәтле*, так и существительным *пәһлеван* ‘богатырь’.

Метафора как основной прием вторичной номинации выполняет функцию, сходную со словообразовательной моделью, с той небольшой разницей, что в ней отсутствуют «материальные» элементы – производящая база и формант. Семантическая деривация, присущая метафоризации, существенно менее заметна и меньше отображается словарями. К тому же в отличие от словообразовательной модели метафора

направлена на номинацию через эмоциональный эффект. На основе образности и эмоциональности в метафорах появляется оценочное значение. Таким наименованиям, как *әулия* ‘с добрым нравом’ (первичное значение *рел.* ‘святой человек’), *аждаһа* ‘очень злой, изверг’ (первичное значение *миф.* ‘дракон’) и т.п. сопутствует коннотация с ядерной семьей «эмоциональная оценка» и дифференциальной качественной семьей «человек положительный»/ «человек отрицательный». При этом выделяется актуальный коннотативный признак, имеющийся в дескриптивной части семы и служащий основой метафорического переноса. Очень важно учитывать то, что метафорические названия «...практически не используются для обозначения случайного подобия» [4: 156]. Некоторые исследователи утверждают, что «... метафора нуждается в допущении сходства, не всегда очевидного, а чаще всего фиктивного. Именно в этом отношении метафора в большей степени, чем другие тропы (например, метонимия, синекдоха – А.Р.), связана с познавательной деятельностью человека» [5: 180-182]).

Отличительной чертой метафорических лексем, характеризующих человека, является то, что они, в сравнении с другими (корневыми или образованными при помощи аффиксов) лексемами данной тематической группы, редко выступают в атрибутивном значении (*алып ирләр* ‘здоровенные мужчины’). Они чаще употребляются в роли предиката: *Тавыңны йырлап аламын, син кадерле фирештәм* [6: 296] – Твое угощение (которое преподносится в знак благодарности) я принимаю с песней. Ты – мой ангел и дорог мне (здесь и далее перевод наш – А.Р.). Иногда выполняют пояснительную функцию: [*Жәләш мулла улларына*]: *Укыту әрәм, йөрүең әрәм, акчаң әрәм сез бозаулар өчен* [7: 174] – [Джяляш мулла сыновьям]: Жаль обучения, жаль хлопот, жаль денег [потраченных] на вас – *мямлей*.

В стилистическом аспекте следует выделить оценочное (содержащее похвалу) и ласкательное употребление метафорических лексем, в котором содержится любезный, одобряющий отзыв о человеке. Например, *Бөркет!* – Орёл!, *Баһадир!* – Силач! В ласкательном употреблении метафорические лексем получают аффикс принадлежности -ым/-ем: *Алтыным!* – Золотце ты мое! Однако эти функции встречаются не часто, так как слова с положительной оценкой занимают небольшую часть исследуемой лексики. Чаще наблюдается инвективное (то есть бранное) употребление метафорических лексем [8]: названий животных: *Эт!* – Собака!; *Ишәк!* – Осёл!; *Сыер!* – Корова! и т.п.; мифических и религиозных персонажей: *Шайтан!* – Дьявол!; *Жен!* – Чёрт!;

Аждаһа! – Чудовище!; названий бытовых предметов или их признаков: *Чупрак!* – Тряпка!; *Тозсыз!* – Бестолковщина! (букв.: без соли); *Жебегән!* – Размазня! (букв.: размокший).

Таким образом, эмоционально окрашенные лексем, появившиеся в результате процесса метафоризации, наряду с основными значениями (*аю* – медведь > *аю* ‘огромный, сильный, но нескладный, неуклюжий’) выражают различные экспрессивные отношения или чувства к человеку. Например: *И аю! Сындыргансың!* – Ах ты, медведь! Сломал! (порицание); *Егет икән! Әйтте – ишләде!* – Вот, оказывается, какой он (или она!) благородный! Сказал (обещал) – сделал! (одобрение, восторг) и т.п.

Следует отметить, что названия представителей животного мира, мифических, религиозных, сказочных персонажей, некоторые названия предметов и сооружений, в метафорическом (вторичном) значении характеризующие людей, играют немаловажную роль в образовании прозвищ [9: 236-239]. Кроме этого, вторичная номинация встречается во фразеологизмах и во фразохарактеристиках человека. Нами выявлены и прилагательные, подвергнутые метафоризации: *йомык* ‘необщительный, замкнутый’ < *йомык* ‘сомкнутый’ и т.п. Описание качеств человека с помощью фразеологизмов и метафорический перенос прилагательных в дальнейшем будут рассматриваться в отдельных статьях. В данном исследовании мы ограничимся лексическим материалом, в котором метафорическое значение не выходит за пределы конкретной лексемы (имени существительного) и используется для целей номинации.

Лингвистический анализ показывает, что для характеристики людей широко используются названия животных; религиозных, мифологических и сказочных персонажей; наименования занятий человека; реже – названия предметов обихода, явлений природы, подвергнутые процессу метафоризации.

1. *Метафорические характеристики человека, образованные на основе названий представителей животного мира.* Человек, характеризуя социальные, психологические или физические особенности другого человека, нередко употребляет зооморфизмы. Это объясняется тем, что «...мышление человека склонно отражать мир антропоморфно или зооморфно и, наоборот, человеческие свойства награждаются вещными свойствами...» [1: 209]. Зооморфизмы имеют, во-первых, разговорно-бытовой характер, во-вторых, выражают в разной степени оттенок уничижения, пренебрежения, порицания и т.п. Такое явление, как нам кажется, объясняется тем, что человек как «высшая форма существования материи» сравнивается с

животными, т.е. «низшей формой», чаще в случае негативной характеристики. Однако познавать животный мир человек начинает с наделения животных человеческими качествами. Например, человек, крайне неуступчивый, не поддающийся уговорам, он – упрямый человек. Опыт наблюдения за поведением, повадками, реакциями, внешним видом и т.д. животных, в данном случае осла, позволяет человеку отметить, что осел – упрямое животное. На основе этого вывода название животного метафорически переходит на обозначение данного качества в человеке. Метафорическому осмыслению подвергнуты такие видовые названия как *хайван* ‘животное’ (<ар.) > *хайван* ‘грубый, невежественный, невоспитанный’ и *ерткыч* (*ерт-* ‘рвать, разорвать, разодрать’ +аф. *-кыч*) ‘хищник, зверь’ (< др.тюрк. *уғтүс* ‘хищный, дикий’ [10: 268]) > ‘изверг, тиран, деспот’.

Названия домашних животных. В речи наиболее часто встречаются названия домашних животных, переходящие на обозначение какого-либо качества человека. Например, поволжско-тюрк. *сарык* ‘овца’ > *сарык/аңгыра сарык* ‘несообразительный, глупый’; *алаша* (др.тюрк. *лоша / луша* ‘животное для верховой езды’ [2: 14]) > *алаша/ карт алаша* (букв.: старая лошадка) о старом человеке, выполняющем трудную, непосильную работу; общетюрк. *сыер, сыйыр/сыгыр* ‘корова; крупный рогатый скот’ > *сыер* ‘не умеющий себя вести, невоспитанный; неуклюжий, неповоротливый’; общетюрк. *бозау, бозау/бузагы* ‘теленок’ > *бозау* ‘вялый, нерешительный (человек)’; *кәжә* ‘коза’ (< др.тюрк. *кеңі* ‘коза’ [10: 291]) > *кәжә* ‘упрямый, своенравный’; *дуңгыз, чучка* ‘свинья’ (< др.тюрк. *тоңуз* ‘дикая свинья, кабан, свинья’ [10: 575]) > *дуңгыз, чучка* ‘тот, кто поступает низко, подло; неряха’; *мәче* ‘кот’ > *мәче/Бохар(а) мәчесе/Бохар песие* ‘неискренний; не тот, за кого себя выдает; человек, представляющийся благочестивым (город Бухара был центром религиозного образования)’; *эт* ‘собака’ (< общ.тюрк. *эт/ит*) > *эт* ‘грубый человек с дурным характером’, иногда встречается в значении ‘физически крепкий, стойкий’; *әнчек* ‘самка маленькой собаки’ (< общ.тюрк. *канчык* ‘самка домашней собаки’) > *әнчек* ‘вертлявая, кокетливая женщина, любящая мужское общество’; *кәнтәй* ‘самка собаки, сука’ > *кәнтәй* ‘развратница’.

Названия диких животных. Общетюрк. *төлке/tilki* ‘лиса’ > *төлке* ‘хитрый, плутоватый человек’, *карт төлке* (букв.: старая лиса) ‘пожилой, опытный и хитрый человек’, *ата төлке* (букв.: лис (самец лисы)) ‘самый хитрый, хитрее не бывает’ [11: 99]; *бүре* (<др.тюрк. *bögi* ‘волк’ [10: 118]) > *бүре/ бүре авыз* ‘мирод, т.е. скупой, корыстолюбивый человек’, *карт бүре* (букв.: старый волк) ‘опытный, выдавший виды; злой и

хитрый’; *күсе* ‘крыса’ (др.тюрк. *küskü: küskü yil* «год мыши», *küsürgä* «крот, землеройка» [10: 329]) > *күсе* ‘работающий на спокойной, прибивальной работе и склонный к наживе (человек)’.

Среди названий животных особо следует выделить слова *арыслан* – лев, *юлбарыс* – тигр, *ишәк* – осел, *фил* – слон, *зубр* и *жираф*. Эти животные для региона, где проживают татары, являются экзотическими. Все эти названия и их переносные значения, по всей видимости, появились как результат взаимовлияния литературных языков. Среди них названия *арыслан*, *юлбарыс* и *ишәк* являются тюркскими словами (др.тюрк. *arслан* ‘лев’, *bars* ‘тигр’, *eşgäk /eşgäk* ‘осел’ [10: 55, 84,185]) и их метафорические значения: *арыслан*, *юлбарыс* ‘сильный, отважный’, *ишәк* ‘глупый; упрямый’ имеются во многих тюркских языках. Слово-метафора *фил* (< ар. *фил* ‘слон’) имеет значение ‘(человек) очень медлительный и очень крупного телосложения’; *жираф* метафорически переносится на обозначение особенности внешнего облика человека – ‘очень высокого роста’, *зубр* – это человек ‘отсталый от жизни, сторонник всего старого’. Ср. рус. *слон* ‘громоздкий, неповоротливый (о человеке)’, рус. *зубр* ‘консервативно настроенный (человек)’. Слово *ишәк* ‘бестолковый; бездарный’ (< *ишәк* ‘осел’) употребляется в форме *Бохар(а) ишәге* – ленивый, упрямый, бестолковый.

Названия домашних птиц. В метафорическом значении употребляются следующие слова: *этәч* ‘петух’ > *этәч /калай этәч* – драчун, забияка; *тавык* ‘курица’ > *тавык /өй тавыгы* – домосед; человек, который любит сидеть дома; тяжелый на подъем; *сукыр тавык* – близорукий(вероятно, связано с болезнью, называющейся куриная слепота); *тутырган тавык* – тучный (ожиревший) человек, связано с названием блюда из курицы; *чебеш/чеби* ‘цыпленок’ > *чебеш/чеби* – худой, немощный (человек). Все перечисленные выше лексемы имеют тюркское происхождение.

Названия диких птиц. Общетюрк. *карга* ‘ворона’ > *карга* – тот, кто зарится на чужое добро; живущий за чужой счет, *нух каргасы* (букв.: Ноева ворона) – о человеке, которого отправили куда-либо с каким-то поручением, и он, забыв о поручении, принялся за другое занятие. Данное высказывание появилось в связи со следующим преданием: Пророк Ной послал ворону узнать: кончается ли всемирный потоп. Ворона, наткнувшись на горе на падаль, забыла о поручении, осталась ее клевать [12:180].

Кычыткан чыпчыгы (< тюрк.-кыпч. *кычыткан* ‘крапива’ и тюрк.-кыпч. *чыпчык* ‘воробей’) ‘крапивник (птица)’ > *кычыткан чыпчыгы* – любитель вмешиваться в чужие разговоры и дела.

В выражениях *карт чыпчык* и *карт карга* нами усматривается влияние русского языка. Так же, как рус. *старая карга*, тат. *карт карга* употребляется по отношению к болтливой, злой старушке, а *карт чыпчык* (рус. *старый воробей*, *стреляный воробей*) означает «видавший виды, опытный».

Слово *ябалак* – невнимательный, неумелый (человек) и выражение *аңгыра ябалак* – несообразительный (о человеке) приобрели переносные, оценочные значения в результате метафоризации лексемы *ябалак* ‘сова’. Происхождение тюрк. *ябалак* Ахметьянов Р.Г. объясняет как *яба* ‘маленький, торчащий’ + *колак* ‘ухо’ [2: 260] (Ср.: крп. (каз.) *жебә кулак* ‘корноухий’). Схожий семантический процесс, формирующий метафорическое значение, можно увидеть в переносе чув. *тамана* ‘сова’ > чув. *тамана* ‘болван, оболтус’. В татарском языке употребляется лишь вторичное значение данного слова: *томана* – бестолоковый, глупый. Появление метафорического значения «невнимательный, неумелый; бестолоковый, глупый», вероятно, связано с физиологической особенностью этих птиц: в течение всего дня совы спят, спрятавшись в уютном месте на дереве. Реакция сонной птицы на всякие воздействия извне, видимо, бывает замедленной и напоминает поведение несообразительного человека. Еще одно тюркское название птиц из семейства совиных – *байгыш*, как мы предполагаем, в связи с этой же физиологической особенностью птицы, метафорически переходит на характеристику человека жалкого, испытавшего много несчастий. Однако происхождение названия *байгыш* этимологами объясняется как *байгыш/байкуш* < *бай* ‘богатая’ + *кош/куш* ‘птица’. По этому поводу Р.Г. Ахметьянов пишет, что «... сова у тюркских народов считается «несчастной» птицей», а название «богатая птица» является результатом табу» [2: 33], то есть запрета на употребление названия и замены его порой словом с противоположным значением.

Общетюрк. *бүдәнә* ‘перепел’ > *бүдәнә* ‘простореч. человек маленького роста и полного телосложения’; кыпч. *бытбылдык* ‘перепел’ > *бытбылдык* ‘болтун, лопотун’.

Названия *пресмыкающихся, земноводных и водных животных*. Общетюрк. *елан* ‘змея’ > *елан* ‘злой, коварный (человек)’ в выражениях *кара елан* – «черная змея» и *зәһәр елан* – «ядовитая змея» подчеркивает еще большее отвращение и неприязнь к злему человеку; *гөберле бака* (общетюрк. *бака* / *баға* ‘лягушка’ + *гөберле* <гөбер+ле, ср. башк. *гөбәрзәү* <гөбер-зә-ү ‘клокотать’) ‘жаба’ > *гөберле бака* ‘неприятный, отталкивающий’; *ташбака* (<общетюрк. *таш* ‘камень’ и об-

щетюрк. *бака* ‘лягушка’) ‘черепаша’ > *ташбака* ‘медлительный (человек)’; *вак чабак* < общетюрк. *вак* ‘мелкая’ и общетюрк. *чабак* ‘рыба плотва’ > *вак чабак* ‘неавторитетный человек’.

Названия *насекомых*. *Чикерткә* ‘стрекоза’ > *чикерткә* ‘вертлявый, непоседливый (ребенок)’ и *чикерткә* ‘часто меняющий место работы (человек)’; *сукыр чебен/сукыр черки* ‘мошка’ > *сукыр чебен/сукыр черки* ‘назойливый, надоедливый (человек)’; *борча* «блоха» > *борча* ‘слишком подвижный, шустрый (человек)’.

Как видим, метафорическое употребление названий представителей мира животных для характеристики человека свойственно разговорному стилю языка. Среди них очень мало слов, характеризующих человека с положительной стороны: *арыслан*, *юлбарыс*, которые функционируют в высоком стиле; *сандугач* ‘соловей’ называет девушку, возлюбленную; *бөркет* ‘орел’ и *лачын* ‘сокол’ употребляются в характеристике мужчин, которые обладают смелостью и силой.

2. *Метафорические наименования, образованные от названий религиозных, мифологических и сказочных персонажей*. Метафорические названия религиозных, мифологических и сказочных персонажей, используемые в характеристике человека, по сравнению с лексемами первой группы более устойчивы в употреблении в своем «вторичном» значении. Среди них выделяются в незначительном количестве тюркские лексемы: *албасты* ‘миф. злой дух, обитающий дома, вызывающий кошмары и бред’ > *албасты* ‘страшилище, чудовище; зловредный, чудовищный’ (ср. тур. *albasti, albasti hastalığı* ‘родильная горячка’); *убыр* ‘миф. оборотень, вампир, упырь’ > *убыр* ‘обжора’; поволжско-тюрк. *шүрәле* ‘миф. леший, шурале’ > *шүрәле* ‘человек страшной, нескладной внешности’ (происхождение слова *убыр* Р.Г. Ахметьянов связывает с глаголом *уп-/уб-* ‘затягивать, засасывать’, а слова *шүрәле* – с тюрк. *чүрәле* ‘с того света’ [2: 217, 251]); *алын* ‘богатырь’ (др.тюрк. *alp* ‘меткий стрелок; герой, богатырь, витязь’ [10: 36]) > *алын/алын батыр, алын гәүдәле* ‘сильный; отважный’.

В исследуемой тематической группе большую часть составляют арабские и персидские заимствования: *аждаһа* ‘очень злой, изверг’ < *аждаһа* ‘миф. дракон’, заимствовано из персидского языка, где *ejder, ejderha* ‘дракон’; *дәжжәл* ‘злой, свирепый, лютый’ < ар. *дәжжәл* ‘рел. Антихрист’; *иблис* ‘лицемер; злонравный, ехидный’ < ар. *иблис* ‘рел. сатана, дьявол’; *жәһәннәм* ‘бран. чёрт’ < ар. *жәһәннәм* ‘огненный дух, обычно злой и способный принимать любой вид’; *шайтан* ‘ловкий, задорный’, фразеологизм *ата шайтан* ‘ловкач, увлекающий за собой и других’ [11: 99] < ар. *шайтан* ‘сатана,

дьявол'; *газазил* 'тот, кто подстрекает, науськивает' < ар. *газазил* 'рел. демон, сатана'; *газраил* 'злой, свирепый, жестокий' < ар. Азраил 'рел. ангел смерти'; *гыйффрит* 'чудовище; жестокий, безнравственный' < ар. *гыйффрит* 'миф. демон, чудовище' и мн.др., которые в сходном значении употребляются во многих тюркских языках. Слово *зобани* 'жестокий, бессердечный' < ар. *зобани* 'рел. ангел, ввергающий грешников в ад'; в турецком языке – *zebanî* в переносном смысле означает не жестокого, а крупного, рослого человека. В толковом словаре слово *эбүжәһел* трактуется как «дьявол», а значение «коварный, злой, обманщик» указывается как переносное [13: 669]. Мы считаем, что это неточное толкование, так как *Эбүжәһел* с арабского языка дословно переводится как «прародитель невежества»; так называли одного из современников пророка Мухаммада, который не верил в Аллаха и Пророка, продолжал поклоняться идолам и был убит на священной войне [3: 213]. Следовательно, в примере *Китапча итеп айтсәк инде, мин айтәм, таитан су чыгар, усак агачы алма бирер, ә Эбүжәһел акылга килер* [13: 669] данное слово означает «невежественный, неверующий человек», а его переносным значением может быть «негодяй, безбожник».

Слово *пәри* (<перс.) 'миф. нечистая сила; чёрт, бес' употребляется чаще как порицательное слово и встречается в сочетании с другими словами: *пәри авыз* – болтливый; *пәри табагачы (ботагы)* – некрасивый, нескладный; *пәри баласы* – непоседа. В старо-татарском языке оно употреблялось в своем основном значении: 'пери; фея' [14: 570]. В современном татарском языке в этом значении оно не употребляется. В появлении значения «черт; нечистая сила» сыграло роль активное употребление *пәри* в составе парного слова *жен-пәри*. *Юха* 'миф. змея, прожившая тысяча лет, принявшая образ красивой женщины и вредящая людям' > *юха/юха елан* 'хитрая, корыстная, подчиняющая и заставляющая служить себе (о женщине)' и 'лицемерный, неискренний'. Ср.: башк. *юха* 'миф. змея, прожившая двести лет, принявшая образ женщины и всячески вредящая людям; перен. очень хитрый человек, корыстный, подстрекающий других совершить зло'; чув. *юхха* 'миф. дракон; бран. гад, гадина, змея'. В туркменском языке *ювха / ювдарха* 'миф. чудовище; оборотень; перен. нена сытный, алчный'. Слово *ювдарха* является результатом контаминации слов *ювха* и *аждарһа* < перс. *аждарһа* 'дракон'.

Иноязычные названия религиозных, мифологических и сказочных персонажей в основном употребляются для описания отрицательных свойств человека. Исключения составляют лишь

такие слова, как *фәрештә* (< перс.) 'ангел' > *фәрештә* 'олицетворение искренности, чистоты', *пәһлеван* (< перс. *pahlavan* 'богатырь') 'богатырь' > *пәһлеван* 'сильный, могучий'.

Тюрк. (тат., башк. *өрәк* 'призрак, привидение', чув. *ерех* 'душа') *өрәк* 'призрак, привидение' > *өрәк* 'слишком худой и некрасивый'; *шомбай* (< ир. *zu't* 'несчастный, приносящий несчастье'+ -бай), *Шомбай* – герой татарских сказок > *шомбай* 'бездельник, невежда'. Связывать генезис слова *өрәк* с арабским заимствованием *эрвах* > диал. *арбак* 'души умерших, духи, мн.ч. от *рух*' [2: 159-160], на наш взгляд, несколько необоснованно. Мы предполагаем, что это – древнетюркское слово, возможно, производное – *өрә* + -к. Ср.: сиб. тат. *өрай*, ккалп. *урей*, як. *үөр* «призрак, привидение». Фразеологическая единица *өрәге каты* 'с крутым нравом; суровый (о человеке)' [12: 325] подсказывает, что слово *өрәк* употребляется и в значении «аура человека, его энергетическая оболочка», то есть «вместилище души», которое сохраняется даже после физической смерти человека. Древнетюркское значение слова *өрәк/өрай*, вероятно, было «душа умершего человека» (в связи с ним позже появилось значение «привидение»), а *кот/гот* означало «душа живого человека», впоследствии появилось значение «счастье»: др.тюрк. *qut* 'душа; жизненная сила, дух', *qut* 'счастье, благо' [10: 471].

3. *Метафорические названия, образованные путем объяснения свойств одного типа людей через свойства других.* Тюрк. *егет* 'парень, юноша, джигит; молодец' > *егет* 'удалой, отважный, храбрый; честный, благородный'; общетюрк. *бәби* 'младенец, грудной ребенок' > *бәби* 'наивный, беспомощный'; *аксәяк* (< *ак* 'белая' и *сәяк* 'кость') 'аристократ' > *аксәяк* 'белоручка; изнеженный'; *юлбасар* (общетюрк. *юл* 'дорога' и *басар* 'тот, кто грабит') 'разбойник' > *юлбасар* 'отнимающий силой, нечестный, непорядочный'; *шамакай* 'клоун (артист)' > *шамакай* 'ведущий себя шутовски (человек)'. Происхождение этого слова связывается с названием древнего города Шамаха. По словам Р.Г.Ахметьянова, из Шамахи в Поволжье приезжали армянские цирковые артисты [2: 247].

Значительная часть заимствованной лексики состоит из слов русского и европейских языков, проникших через русский язык и имеющих в нем эти же вторичные значения. Например, *барчук* – молодой человек, который не любит работать, имеющий богатых родителей; *ристан* – непутевый < *арестант*; *аристократ* – считающий себя привилегированным; *артист* – несерьезный, игривый, *бандит* – склонный к незаконным действиям; *жулик* – коварный, обманщик; *барин* – горделивый, любящий почитание и подчинение;

вельможа – высокомерный; *донкихот* – человек, борющийся за отвлеченные идеалы добра; *донжуан* – искатель любовных приключений; *депот* – самовластный, не считающийся ни с кем; *дипломат* – очень деликатный, учтивый и др.

У одних и тех же заимствований из арабского или персидского языков в разных тюркских языках появились метафорические значения разного содержания. Например, в татарском языке *дәрвиш* (< перс. *derviş* ‘*рел.* дервиш’) означает «ведущий строгий образ жизни с отказом от жизненных благ и удовольствий; странный для окружающих», в кумыкском языке *дәрбиш* ‘убогий, неряшливый, неопрятный’; тур. *derviş* ‘нищий, бедняк; простой, скромный’. Или же тат. *әүлия* ‘с добрым нравом, благочестивый’ (< ар. *рел.* *әүлия* ‘святой человек’); кум. *авлия* ‘глупец, дурак, глупый, неумный’: *авлиягъа кьорукъ ёкъ* – дураку закон не писан (поговорка); ног. *авлие* ‘*рел.* святой; *перен.* простодушный’ и т.д. Значение «наивный, простодушный; глупый» у слова *әүлия* в татарском языке проявляется во фразеологическом словосочетании *урман әүлиясы* [13: 313].

4. *Метафорические лексемы, образованные от названий предметов быта.* Тюрк.-монг. *багана* ‘столб’> *багана* ‘здоровый и очень высокий (человек)’; *колга* ‘шест’> *колга* ‘очень высокий и худой (человек)’. Ср., миш.д. тат. *килга* ‘жердь, шест; ограда из жердей’ [15: 309], башк. *колга* ‘прялка (без гребня, состоящая из основания и прямой палки); шест’. В тюркских языках в значении «шест, жердь» распространено слово *сырык*. Значение «ограда из жердей» у слова *колга/кылга/килга*, как мы предполагаем, является основным. Видимо, несколько позже, данное слово стало обозначать жердь, шест. Ср.: кир. *Кылаа* ‘край, берег’: *токойдун кылаасында* – у края леса, у опушки леса. В диалектах татарского языка имеются и другие примеры, где очевидна связь значений «жердь», «ограда» и «край»: *кура* – жердь, шест и ограда из жердей; *кырый тоту* – огородить; *кырый* – край и т.п. [16: 119,122]; поволжско-тюрк. *бүкән* ‘обрубок бревна, чурбан’> *бүкән* ‘короткого роста, полный, неуклюжий, тупой’. Считается, что *бүкән* ‘чурбан’ имеет финно-угорское происхождение [2: 55]. Это, вероятно, соответствует истине, так как в татарском языке в указанном значении употребляется много других лексем: *түмәр*, *түмәркә* – обрубок бревна; *түмгәк*, *түнгәк*, *түндәк* – пень [13: 287-288], варианты которых, в отличие от *бүкән*, встречаются в других тюркских языках: к.балк. *тёнгек*, *томурау*; к.калп. *агаши дүңкеси* – обрубок бревна; кум. *тёнгек* – пень; кар. *түнгәк/тэнгек* – пень, колода; тур. *tomruk* – колода, чурбан, бревно и др.

Боламык /арыш боламыгы ‘вид мучной жидкой каши’> *боламык/ арыш боламыгы* ‘мямля’; *бөтерчек* ‘юла’> *бөтерчек* ‘очень подвижный, проворный (о детях; о взрослых маленького роста)’; *карачки* ‘пугало’> *карачки* ‘человек с отпугивающей, отталкивающей внешностью’ (на пугало надевают старую одежду, лохмотья). В основе первичного значения слова *карачки*, несомненно, лежит лексема *кара* – темный, черный. Производная форма *карачки*, как мы предполагаем, первоначально употреблялась в значении «очертания чего-нибудь, виднеющиеся в темноте, тумане».

При характеристике человека (детей) по тому, каким по счету ребенком он является в семье, употребляется слово *төпчек/ төпчек бала* – последний ребенок в семье; рус. *последыш*. В диалектах имеются и другие названия [17: 77-78], но литературным вариантом является слово *төпчек*. В названии *төпчек*, а также в диалектных вариантах сиб.тат. *карын төп* и кас. *ырынды* (<кырынты) имеются метафорические значения. Слово *төпчек* (*төп* ‘дно’ + афф. -чек) имеет первичное значение ‘самое дно, со дна’, а *ырынды* (<кырынты) ‘поскребыш’. Ср.: тур. *tekne kazintisi* ‘последыш’, где *tekne* означает «корыто, лохань, чан, ушат», *kazinti* – «оскребки».

Заимствования из русского языка: *куашина* < рус. *Квашина* (в данном случае следует отметить, что из русского языка заимствовано и прямое, и метафорическое значение, ср. рус. *Квашина* – деревянная кадка для теста; *перен.* о вялом и толстом, неповоротливом человеке (*разг., пренебр.*)) [18: 277]; *кәтүк* (< рус.) ‘катушка ниток; шпулька’ употребляется в значении «(человек) маленького роста».

5. *Метафорические лексемы, образованные от названий явлений или предметов природы.* Кыпч. *яшен* ‘молния’> *яшен* ‘проворный (человек)’; общетюрк. *ут* ‘энергичный, проворный’ <‘огонь’ < др.тюрк. от ‘огонь’ [10: 372]: *ут егет* ‘парень – огонь’; *ут хатын* ‘женщина – огонь’; *усак яфрагы* (< *усак* ‘осина’ + общетюрк. *яфрак* ‘лист’) ‘осиновый лист’ (в отличие от русского языка, где выражение *как осиновый лист* употребляется с глаголом *дрожать* и выражает состояние испуга, в татарском языке употребляется для характеристики непоседливого, слишком подвижного человека).

Итак, в образовании слов, характеризующих человека, в татарском языке вторичная номинация занимает далеко не последнее место. Для этого широко используются названия животных, мифологических персонажей, наименования занятий человека, реже – названия предметов обихода, явлений природы, подвергнутые процессу

метафоризации. Данная лексико-семантическая группа в основном состоит из слов с отрицательной оценкой – 82 слова из 96; содержит большое количество заимствованной лексики – 40 из 96. Среди них особо выделяются арабо-персидские заимствования, употребление которых, судя по их религиозному содержанию, имеет многовековую историю. Метафорические значения многих русских заимствований в татарский язык вошли наряду с их основными значениями. Тюрко-татарская лексика составляет более 50% и в основном состоит из общетюркского (древнетюркского) пласта. Использование языком для метафорического осмысления общетюркской, а значит, древней лексики, дает повод заключить, что метафоризация конкретной лексемы – процесс длительный, и в нем могут участвовать лишь лексемы, активно употребляющиеся в языке.

Список сокращений

алт. – алтайский язык
 ар. – арабский язык
 башк. – башкирский язык
 д. – диалект
 др.тюрк. – древнетюркский
 ир. – иранские языки
 каз. – казахский язык
 к.балк. – карачаево-балкарский язык
 кир. – киргизский язык
 ккалп. – каракалпакский язык
 кум. – кумыкский язык
 л. – литературный
 монг. – монгольский язык
 ног. – ногайский язык
 перс. – персидский язык
 разг. – разговорный
 сиб. – язык сибирских
 тат. – татарский язык
 тув. – тувинский язык
 тур. – турецкий язык
 узб. – узбекский язык
 уйг. – уйгурский язык
 чув. – чувашский язык

1. *Телия В.Н.* Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Виды наименований. Отв.

- редакторы: Б.А.Серебренников, А.А.Уфимцева. – М.: Издательство «Наука», 1977. – С. 129 – 222.
2. *Әхмәтъянов Рифкать.* Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2001. – 272 б.
 3. *Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik Büyük Lugat.* – İstanbul: Ziya Ofset, 1993. – 1081 s.
 4. *Арутюнова Н.Д.* Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. – М.: «Наука», 1979. – С. 147 – 174.
 5. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. редактор академик Б.А.Серебренников. – М.: «Наука», 1988. – 216 с.
 6. *Баязитова Ф.С.* Туй йолалары лексикасы (жирле сөйләш һәм фольклор текстлары яссыйлыгында). – Казан: Паравитта, 2011. – 976 б.
 7. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Өч томда. – Т. 1. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1977. – 476 б.
 8. *Вахитова Д.К.* Инвективная лексика татарского языка: функциональный и этноментальный аспекты: дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2013. – 205 с.
 9. *Саттаров Г.Ф.* Татар антропонимикасы / Фәнни ред. М.З.Зәкиев. – Казан: Казан ун-ты нәшрияты, 1990. – 278 б.
 10. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
 11. *Исәнбәт Нәкый.* Татар теленең фразеологик сүзлеге. Ике томда. – Т. 1. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1989. – 495 б.
 12. *Исәнбәт Нәкый.* Татар теленең фразеологик сүзлеге. Ике томда. – Т. 2. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1990. – 365 б.
 13. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. – Т. III. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1981. – 832 б.
 14. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. – Т. II. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1979. – 726 б.
 15. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге. – Казан: Тат. китап. нәшр., 2009. – 839 б.
 16. *Садыхова З.Р.* Названия хозяйственных построек и инвентаря в татарском языке. – Казан: Печатный Двор, 2003. – 212 с.
 17. *Рамазанова Д.Б.* Термины родства и свойства в татарском языке. – Казань: Татарское книжное изд-во, 1991. – 190 с.
 18. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ ltd., 1992. – 960 с.

METAPHORIC LEXEMES CHARACTERIZING HUMAN BEINGS IN THE TATAR LANGUAGE

A.R.Rakhimova

This article explores the origin and semantic development of Tatar lexical items which characterize human beings in a metaphoric manner. The analysis of their historical and semantic development is conducted in comparison to other Turkic and certain non-Turkic languages. The Tatar language uses metaphoricized names of animals, mythological persons, different human occupations, household goods, natural phenomena, etc. to

characterize human beings. Most of this lexis is common Turkic (Old Turkic) lexical items. A considerable part of these lexical items is the borrowings with the centuries-old history based on their religious meanings.

Key words: Tatar language, Turkic languages, human being characteristics, metaphorization, dialectal lexical items.

1. *Teliya V.N.* Vtorichnaya nominaciya i ee vidy // Yazykovaya nominaciya. Vidy naimenovaniy. Otv. redaktory: B.A.Serebrennikov, A.A.Ufimceva. – M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1977. – S. 129 – 222. (in Russian)
2. *Əxmət'yanov Rifkat'.* Tatar teleneñ kyskacha tarixi-e'timologik syzlege. – Kazan: Tat. kit. nəshr., 2001. – 272 b. (in Tatar)
3. Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik Büyük Lugat. – İstanbul: Ziya Ofset, 1993. – 1081 s. (in Turkish)
4. *Arutyunova N.D.* Yazykovaya metafora (sintaksis i leksika) // Lingvistika i poe'tika. – M.: «Nauka», 1979. – S. 147 – 174. (in Russian)
5. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira / Otv. redaktor akademik B.A.Serebrennikov. – M.: «Nauka», 1988. – 216 s. (in Russian)
6. *Bayazitova F.S.* Tuj jolalary leksikasy (jirle sejləsh hēm fol'klor tekstlary yassylygynda). – Kazan: Paravitta, 2011. – 976 b. (in Tatar)
7. Tatar teleneñ añlatmaly syzlege. Öch tomda. – T. 1. – Kazan: Tatarstan kitap nəshriyaty, 1977. – 476 b. (in Tatar)
8. *Vaxitova D.K.* Invektivnaya leksika tatarskogo yazyka: funkcional'nyj i e'tnomental'nyj aspekty: dis. ... kand. filol. nauk. – Kazan', 2013. – 205 s. (in Russian)
9. *Sattarov G.F.* Tatar antroponimikasy / Fənni red. M.Z.Zəkiev. – Kazan: Kazan un-ty nəshriyaty, 1990. – 278 b. (in Tatar)
10. *Drevnetyurkskij slovar'.* – L.: Nauka, 1969. – 676 s. (in Russian)
11. *Isənbət Nəkyj.* Tatar teleneñ frazeologik syzlege. Ike tomda. – T.1. – Kazan: Tat. kit. nəshr., 1989. – 495 b. (in Tatar)
12. *Isənbət Nəkyj.* Tatar teleneñ frazeologik syzlege. Ike tomda. – T. 2. – Kazan: Tat. kit. nəshr., 1990. – 365 b. (in Tatar)
13. Tatar teleneñ añlatmaly syzlege. – T. III. – Kazan: Tat. kit. nəshr., 1981. – 832 b. (in Tatar)
14. Tatar teleneñ añlatmaly syzlege. – T. II. – Kazan: Tat. kit. nəshr., 1979. – 726 b. (in Tatar)
15. Tatar teleneñ zur dialektologik syzlege. – Kazan: Tat. kitap. nəshr., 2009. – 839 b. (in Tatar)
16. *Sadykova Z.R.* Nazvaniya xozyajstvennyx postroek i inventarya v tatarskom yazyke. – Kazan: Pechatnyj Dvor, 2003. – 212 s. (in Russian)
17. *Ramazanova D.B.* Terminy rodstva i svojstva v tatarskom yazyke. – Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdvo, 1991. – 190 s. (in Russian)
18. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.* Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. – M.: Az" ltd., 1992. – 960 s. (in Russian)

Рахимова Асия Ризвановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры татароведения и тюркологии Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета.

420008, Россия, Казань, ул.Кремлевская, 18.
E-mail: a.rakhimova@gmail.com

Rakhimova Asiya Rizvanovna – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Tatar and Turkic Languages Study, Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University.

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia
E-mail: a.rakhimova@gmail.com

Поступила в редакцию 16.01.2015